

Н. А. Непомнящих

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Мотив воли к смерти в творчестве Бориса Рыжего

Основные повторяющиеся мотивы творчества Бориса Рыжего – это мотивы танатологические: стремление к смерти как путь к ней, рефлексии о смерти и ожидание ее прихода, воображаемые похороны и похоронная атрибутика (гробы, могилы, кладбища, похоронные оркестры и музыка), воображаемые встречи с умершими, обращение к ним как живым. Это также мотивы одиночества и боли в страшном мире, откуда можно спастись бегством в смерть, иной мир. Лишь после смерти можно стать «великим поэтом», которому поставят настоящий памятник на родине. Осознание себя непризнанным поэтом, нецененным при жизни, компенсируется идеей «а когда после смерти я стану великим поэтом», отсюда во многих стихах Рыжего – мотивы завещания и преодоления смерти словом, бессмертия поэзии на фоне смерти поэта.

Ключевые слова: Борис Рыжий, танатологические мотивы, мотив стремления к смерти.

Глагол «умирать» и его производные встречаются в каждом втором стихотворении Бориса Рыжего, как и само слово «смерть». Причем чаще всего в форме первого лица: «когда я умру», «я умираю тоже», «в такую зиму я умру», «над каждой строчкой умирал» и т. д. Стихи наполнены рефлексией о возможной ранней смерти, собственных и чужих похоронах: «Трижды убил в стихах реального человека» [Рыжий, 2014, с. 468]¹; «убить себя? – возможно, не кошмар» (с. 188). Стихотворений, где смерть лирического субъекта выглядит как рассказ, сценарий, заверченный сюжет, намного больше, чем названное «трижды», танатологические мотивы есть почти во всех его поэтических текстах². Каждый пишущий о Рыжем отмечает насыщенность его стихов тематикой и атрибутикой смерти.

После трагической смерти Бориса Рыжего драматург Н. В. Коляда, лично знавший поэта по совместной работе в журнале «Урал», написал: «Я набрал в Ин-

¹ Далее стихи цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

² См. подробнее: [Непомнящих, 2016].

Непомнящих Наталья Алексеевна – старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alkat@ngs.ru)

тернете в поисковой системе “Борис Рыжий”, появилась куча ссылок на публикации стихов Бориса. Решил прочесть, что пишут о Боре сейчас, в эти дни, и набрал слово “Смерть”, и нажал “Искать в найденном”. И снова вышли все те же ссылки. У него, у Бориса, в каждом стихотворении – о смерти. У него все стихи о смерти» [Коляда, 2001]³. Журнал «Урал» спустя три года после смерти поэта публикует студенческую работу М. Шалай «Избирательно сродство» о поэтической переключке Рыжего с Фетом, Лермонтовым и Гандлевским, где также сказано о том, что «мотив Смерти красной нитью проходит по творчеству Бориса Рыжего» (мотив Смерти здесь даже пишется с заглавной буквы) [Шалай, 2004]. Известный литературный критик В. Бондаренко говорит в своих публикациях и блогах о «поэтической интонации смерти» в стихах поэта как основной⁴.

Вспоминая поэта в 2009 г., газета «Труд» помещает статью, посвященную Рыжему, с заголовком «Смертельная премия», где говорится об «играх со смертью»⁵. Связанные с восприятием смерти поэта исследовательские и читательские проекции рассмотрены Т. А. Арсеновой [Арсенова, 2008]. Что касается самого творчества, то, по словам Ю. Казарина, «Борис в последние полтора-два года своей жизни занимался (и подсознательно, и прямо вербализуя в своих стихах конец жизни, край бездны) смертестроительством» [Казарин, 2009, с. 205]. Отмечая в стихах последних двух лет частое упоминание смерти, нарастающую интенсивность танатологических мотивов, нельзя не сказать, что тема смерти появляется у Рыжего довольно рано, в самых первых напечатанных стихах, и развивается, разрастается далее на протяжении всего творчества. М. Струкова отмечает: «В поэзии Бориса города столько же, сколько кладбища, а свиданий столько же, сколько похорон. Две главных темы – любовь и смерть» [Струкова, 2012]. Знакомый лично с Б. Рыжим, Кейс Верхейл, анализируя одно из стихотворений поэта, также говорит о смысловых доминантах всего творчества: «Желание не оставлять любимого существа постоянно чередуется с предчувствием неизбежного конца. А в заключительных строках повторяется обещание подарка. Разница с первыми строками заключается, в первую очередь, в прямоте и повышенной эмоциональности обращения. Вместо полустышия “Я тебе привезу” получается “Я пришлю тебе, сын”. Ясно не только, кому предназначен подарок, но и то, что о возвращении отца “оттуда” речи, скорее всего, не будет. <...> “О любви и смерти” – такое указание мне представляется многозначительным и для стихотворения “Я тебе привезу из Голландии Lego”» [Верхейл, 2003, с. 85–86]. Все другие темы поэзии Рыжего оказываются прочно связаны с основной темой – темой смерти.

Как сама тема смерти, так и танатологические образы и мотивы традиционно привлекают внимание исследователей самых разных отраслей знания: искусствоведов, культурологов, психологов, философов, филологов. Смерть как «как проблема ее изображения» [Харт Ниббирг, 2005, с. 10] в разных видах искусства становится объектом размышлений и предметом анализа во многих публикациях последних лет⁶, а сюжет смерти является «важнейшим из архетипических

³ См. также: *Арсенова Т. А.* Борис Рыжий: Смерть поэта в читательском восприятии. URL: <http://goo.gl/psye5Z>

⁴ *Бондаренко В. Г.* Из архива Зоила. Поэтическая интонация смерти // Гражданский литературный форум России. URL: <http://glfr.ru/biblioteka/vladimir-bondarenko/iz-arhiva-zoila-boris-rizhij.html> (дата обращения 20.04.2017).

⁵ Смертельная премия // Труд. 2009. 16 апр. URL: http://www.trud.ru/article/16-04-2009/140034_smertelnaja_premija.html (дата обращения 20.04.2017).

⁶ *Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии. О новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М., 1989. С. 114–135; *Лотман Ю. М.* Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417–432; *Исупов К. Г.* Русская философская танатология // Вопросы философии.

сюжетов» [Капинос, 2012, с. 115]. Общие проблемы, возникающие при анализе темы смерти и ее конкретных реализаций в литературном произведении, рассмотрены Ю. М. Лотманом в статье «Смерть как проблема сюжета»: «Понять место смерти в культуре – значит осмыслить ее в прямом значении этих слов, т. е. приписать ей смысл. А это означает включение в некоторый смысловой ряд, определяющий, в частности, наборы ее синонимов и антонимов» [Лотман, 1994, с. 420]. Он отмечает, что «путем лавинообразных трансформаций» «исходное содержание удастся превратить в формальность», а именно это в свою очередь «позволяет, превратив идею смерти в формализованный набор средств выражения, отделить ее от первичного ряда значений и превратить в универсальный язык культуры» [Там же, с. 422].

По пути выявления условного набора универсальных знаков – образных «синонимов» смерти – идет Р. Л. Красильников, он на примере и материале отдельных художественных текстов (баллад М. Ю. Лермонтова, рассказов Л. Андреева и др.) рассматривает возможности реализации танатологической тематики и проблематики на разных уровнях литературного произведения: идейно-тематическом, жанровом, «латентной семантики», сюжетном [Красильников, 2007, с. 66–88]. Однако подробный анализ танатологических сюжетов и мотивов как в творчестве одного автора, так и в русской литературе в целом не являлся целью его исследования. Р. Л. Красильников скорее наметил те общие возможности, «образные потенциалы», которые тема смерти открывает для конструирования сюжета. Он идет вслед за утверждением Ю. М. Лотмана о том, что смерть может служить или концовкой произведения, отсекающей и сводящей на нет все сюжетные линии текста, или обладать сюжетопорождающей способностью с пучком возможных пролептических построений, и подробно рассматривает это положение на примере конкретных художественных произведений. Проблема «каталогизации», учета и систематизации сюжетов смерти автором вынесена за скобки исследования. Скорее всего, задача учета всех смертных сюжетов вообще не имеет однозначного исчерпывающего решения, а лишь дает обширный материал для размышлений, о чем свидетельствует и терминологическая многоголосица, и множественность исследовательских подходов: изучаются «символы смерти», «образы Танатоса» и т. д. (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Н. Н.). Даже в наименовании самого концепта смерти нет единства: равноправно сосуществуют номинации *мортальный* и *танатологический* по отношению к мотивам и образам, что позволяет считать их синонимичными.

Если сосредоточиться исключительно на уровне сюжета литературного произведения, то необходимо констатировать вслед за Е. В. Капинос, что «сюжетика смерти столь разнообразна, что невозможно определить набор ключевых слов, который бы их выявлял. Смерть является одним из самых частотных кульминационных моментов в драме и эпосе, с нею неразрывно связаны ведущие лирические жанры: элегия, эпитафия. Количественный аспект представляет отдельную проблему: почти у каждого писателя найдется столько же сюжетов о смерти,

1994. № 3; Фигуры Танатоса. Вып. 1: Символы смерти в культуре. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1991; Вып. 2: Философские размышления на тему смерти. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992; Вып. 3: Тема смерти в духовном опыте человечества: Материалы I Междунар. конф., С.-Петербург, 2–4 нояб. 1993 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993; Вып. 4: Искусство умирания. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1998; Вып. 5: Тема смерти в духовном опыте человечества: Материалы II Междунар. конф., С.-Петербург, 12–15 нояб. 1995 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995; Вып. 6: Кладбище. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001; *Постнов О. Г.* Смерть в России. Новосибирск, 2011; *Красильников Р. Л.* Образ смерти в литературном произведении: Модели и уровни анализа. Вологда, 2007; *Кириллова О.* Мортальный кинокод и возможности танатологии кино // Новое литературное обозрение. 2014. № 6; Мортальность в литературе и культуре. М.: НЛЮ, 2015.

сколько и о жизни, а зачастую о смерти даже больше» [Капинос, 2012, с. 115]. Тем не менее возможно составить такой список «индексов-ключей» для творчества отдельного автора, что было успешно продемонстрировано в рамках семантико-ориентированного подхода в отношении прозы И. А. Бунина и Г. Газданова [Капинос, 2012; Проскурина, 2013]. При таком подходе важнейшим становится составление тематического тезауруса творчества какого-либо автора: сюжеты группируются, а «в процессе группировки за счет множественных семантических связей между отдельными группами текстов образуются сюжетные гнезда, внутри этих гнезд можно выявить более мелкие единства, исходя из уточненных оттенков значения сюжета или мотивного комплекса» [Капинос, 2012, с. 115].

Мортальные образность и сюжетика органичны для описания всех тех типов ситуаций, когда в фокусе оказывается утрата – близкого человека, неких важнейших ценностей, культуры, традиций, языка, Родины. Свой «тезаурус смерти» вполне может быть и у отдельного писателя, и у целого литературного направления, и даже у отдельных национальных литератур, но для того, чтобы танатологический комплекс мотивов и сюжетов стал доминирующим в национальной литературе, литературном направлении, творчестве писателя, необходимы соответствующие предпосылки, лежащие вне самой литературы, за ее пределами. Как правило, писатели – и эмигранты, и писатели-традиционалисты, в чьем творчестве отчетливо выявляется танатологический комплекс как основной, – осмысляют актуальную для них действительность как глубоко кризисную, аналогичную «закату культуры», переживают ее как ситуацию, в которой «распалась связь времен», поколений, традиций [Партэ, 2004, с. 87; Ковтун, 2009, с. 357–359]. Не исключением является в этом перечне и Борис Рыжий, которого иногда называют «последним советским поэтом»⁷. Его юность пришлось на распад СССР, и многие, пишущие о нем, отмечают, что происходящие перемены он воспринимал как слом эпох (см.: [Фаликов, 2015]). В его стихах время прошедшего детства и пространство бывшего Свердловска мифологизируются, а настоящее, напротив, предстает как кризисное безвременье.

В его поэтическом мире приметами настоящего становится традиционная мортальная атрибутика руин, запустения, страшного и уродливого города-кладбища: «...сам город, повсеместная индустриализация рождает в сознании лирического героя поэта оппозицию “асфальт-земля”, доведенную до экзистенциального тупика – “могила”» [Глухова, 2015, с. 30]. Немало у Рыжего стихотворений, в которых описан процесс погребения, панихиды, посещения могил. Кроме того, кресты, могилы, кладбища часто присутствуют как обязательная часть пейзажа⁸; можно сказать, что мотивы смерти являются неременной составляющей его стихов, даже тюльпан на подоконнике неожиданно оказывается напоминанием о ней. Стихи насыщены танатологическими мотивами и образами, ставшими эмблематичными, например смерть в образе бабочки (мотылька)⁹, запустение и разрушение («что сказать о мраморе – я влюблен в руины», с. 113); образы пустого дома, опустевших улиц, скверов, парков, дворов, города, осенние ва-

⁷ См.: *Шайтанов И.* Борис Рыжий: последний советский поэт // Арион. 2005. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/arion/2005/3/sha26.html>; *Бондаренко В. Г.* Борис Рыжий. Последние поэты империи // Библиотека электронной литературы. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Б/bondarenko-vladimir-grigorievich/poslednie-poeti-imperii/25>; *Кресикова И.* Последний поэт Империи... Поэзия, жизнь и смерть Бориса Рыжего // Relga.ru. № 6(294). 15.05.2015. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4237&level1=main&level2=articles>

⁸ «Мимо больницы, кладбища, тюрьмы пойду-пойду...»; «На окошке, на фоне заката» («Мимо кладбища, цирка, острога, вези меня, молчаливый дебил») и некоторые др.

⁹ «Мой друг, так умирают мотыльки», «ИвАнов», «Робинзон», «Спит мое детство» и др.

риации увядания природы, зимы как оцепенения; элегическая кладбищенская мотивика¹⁰. Много в его стихах ангелов – запросто приходящих в этот мир из мира небытия¹¹. Он любит описывать чужие похороны, похоронная музыка – частый рефрен в воспоминаниях о детстве и прошлом: «Похоронные трубы не переставали играть – / постоянно в квартале над кем-то рыдали, рыдали» («По родительским полям пройтись», с. 417); «Чьи-то похороны, музыканты» («Если в прошлое, лучше траваем», с. 496). Стремлению к смерти подчинено даже собственное детство, которое в стихах пересоздается заново: «себе-ребенку» в прошлом приписывается заданный актуальным настоящим смысл, а мотив ожидания смерти, являясь частью общего мортального сюжета поэта, оказывается включенным в концепт *ДЕТСТВО*:

Первый снег, очень белый и липкий,
и откуда-то издалека:
наши лица, на лицах улыбки,
мы построили снеговика.

Может только, наверно, искусство
о таких безмятежностях врать,
там какое-то странное чувство
начинало веселью мешать.

Там какое-то странное чувство
улыбаться мешало, а вот:
чувство смерти, чтоб ей было пусто.
Хули лыбишься, старая ждет! (с. 462)

Мотив одиночества ребенка, возводимый в степень неразрешимого экзистенциального отчаяния, можно найти и в других стихотворениях: «Ну вот я засыпаю наконец», «Мальчиком с уроков убегу», «Еще вполне сопливым мальчиком», «Соцреализм» и другие. *МРАК*, *ТЬМА*, *ПУСТОТА* – концепты, которые в поэзии Рыжего синонимичны смерти, туда уходят из жизни: «из мрака бездна вырастет»; «идем во мрак»; «мой герой ускользает во тьму». Одиночество – состояние, в котором одолевают мысли о смерти, мраке, никчемности в пустоте мира, это синоним смертной тоски, края, за которым – мрак и тьма. Сам взгляд на мир настолько подчинен мортальной теме, что многие детали, не имеющие прямого отношения к смерти, именно в его поэтическом мире могут превращаться в таковые.

Непривычным, присущим Рыжему-поэту становится тот заданный ракурс, в котором постоянно видится мир, – в нем все вокруг с завидным упорством ежедневно, ежеминутно напоминает о смерти: это и «кресты могильные антенн» на крыше напротив, и «траурные лица» прохожих (поэт любит использовать эпитет «траурный» применительно к разным явлениям и предметам), и «базары с пестротой шмоток – что *кладбища с венками* на крестах». Есть в его стихах и традиционный мотив кладбища-города: «*Что кладбища?* Всё те же города /

¹⁰ «На белом кладбище гуляли», «Здесь до войны был женский монастырь...», «Памяти И. Б.» («Милы *кладбищенские грядки*»); «Девочка с куклой» («Есть места, где от детского сада пять шагов *до кладбищенской роши*») и др.

¹¹ Несколько десятков стихотворений, среди которых «Ангел, лицо озарив, зажег маленький огонек», «Ах, что это за люди, что у них внутри?», «Два ангела», «Дом», «Золотые сапожки», «Музыкант и ангел», «На смерть поэта», «Не во гневе, а так, между прочим...», «Не покидай меня, когда горит полночная звезда», «Разве только ангел на четыре слова...», «Сначала замотало руку», «Черный ангел на белом снегу», «Я вышел из кино...» и др.

в миниатюрном варианте. / Окна. И люди в окнах смотрят в сад» («Кладбище»). Встречи с мертвыми, видения мертвых – обыденное событие в его мире: «В улицах, парках, трамвайных вагонах – всюду встречаю я мертвых знакомых» («В улицах, парках...», с. 165). Его словно тянет к границе, рубежу, последней черте: «Мимо больницы, кладбища, тюрьмы пойду-пойду по самому по краю» (с. 406), а сквозным для всего творчества становится всеобъемлющий мотив воли-стремления к смерти: он реализуется как группа составляющих его алломотивов: пути к смерти, перемещения из одного мира в другой, перехода границ между мирами, ожидания смерти, размышлений о «жизни как умирании», а также как проигрывание сценариев собственной смерти [Непомнящих, 2016, с. 208–210].

«Чувство смерти» в стихах Рыжего преследует читателя постоянно, само слово «смерть» упоминается десятки раз, не считая эвфемизмов вроде «со сцены сойти». Мысли о смерти – это не минутное впечатление, налетевшее из ниоткуда и потом развеянное иными событиями, это постоянное сопровождающее лирического субъекта переживание, сопутствующее любому действию. Уже в самых ранних стихах появляется мотив проигрывания ситуации собственной смерти в стихах:

Дорогая, когда
Обрастут крыши зданий зарею.
Словно львиною гривой, расстанусь с тобою,
*И умру, как солдат,
Не понюхавший боя.
Будет небо седое.*
И, как мины морские, сгоревшие звезды на нем.
Кто-то скажет: «Нальем!
Хоть он не был солдатом, но не ведал о том,
Что и *смерть* – лишь *обыденный дембель*.
Пусть согреет свою двухметровую землю
Уходящим теплом
(«Суждения», с. 45).

И если в раннем стихотворении смерть и гибель осмысляются посредством уподоблений, сравнений, метафор («умру, как солдат», «смерть – обыденный дембель»), то в более поздних стихах флер метафор уходит, появляется нарочитая прозаизация факта воображаемой смерти и даже сниженное его изображение: «Пусть тогда, когда затылком стукну по днищу гроба, в подземелье рухну, заплаканные свердловчане пусть...» (с. 440), много стихов – прощаний с миром, с живущими или обращений к близким и знакомым с просьбами, сопутствующими будущей смерти. Так, адресованное отцу: «Но когда я умру, расскажи мне последнюю сказку и закрой мне глаза» (с. 49). Жизнь для него не что иное, как процесс умирания: «я гляжу, умирая, на поля безупречного снега» (с. 208).

«Рыжий постоянно “примеряет” на себя смерть, прокручивает варианты ее: случайное убийство, самоубийство, мирный уход в старости» [Струкова, 2012]. Поэтический мир Б. Рыжего словно подчинен теме смерти, диктующей сквозной сюжет – размышление о том, что будет, «когда я умру»:

Мысль об этом леденит: О –
лег, какие наши го –
ды, а сердце уж разбито,
нету счастья у него,
хоть хорошие мы поэ –
ты, никто не любит на –

с – человечество слепое,
то все его вина,
мы погибшем, мы умрем, О –
лег, с тобой от невнима –
ния – это так знакомо –
а за окнами зима,
а за окнами сугробы,
неуютный грустный вид.
Кто потащит наши гробы,
кто венки нам подарит?
(«Олегу Дозморову от Бориса Рыжего», с. 216)

Воображаемое будущее связано с жизнью стихов, с признанием умершего автора как значительного поэта:

Господи, только не сразу
финку мне всаживай в грудь.
Дай дотянуть до «Кавказу»
Дай сочинить что-нибудь
(«Тонкой дымя папироской», с. 463).

А. Семина склонна даже назвать на основе тематической близости часть стихотворений поэта «новым жанровым образованием», выделяя при этом особый тип лирического героя в качестве формального критерия: «При обращении к теме смерти в лирике Г. Иванова и Б. Рыжего возникает новое жанровое образование – “посмертное” стихотворение, для которого характерен лирический герой, говорящий о себе и о своей жизни в прошедшем времени» [Семина, 2016, с. 94].

Однако в его стихах образ «нерукотворного памятника» превращается в памятник «на площади Свердловска» или в идею «сквер будет назван именем моим» (с. 464). Будущая смерть мыслится ключевым событием всей жизни – это тот самый рубеж, за которым прожитая в качестве поэта жизнь обретает смысл. Лишь преодолев его, можно шагнуть в желанное бессмертие. Смерть – тот «проявитель», который поможет понять истинность, эстетическую ценность и востребованность поэзии Рыжего: «А когда после смерти я стану великим поэтом / для эпиграфа вот тебе строчки к статье про меня...» («Начинается снег», с. 388). Только после смерти можно будет встать в один ряд с теми, к кому он столь часто адресуется в своих стихах: с Пушкиным, Лермонтовым, Полонским, Блоком, Ходасевичем, Г. Ивановым, Бродским и др. Так рождается метасюжет «о рождении из смерти поэта», складывающийся из повторяемых вариаций основных мотивов: «Приобретут всеевропейский лоск слова трансазиатского поэта». С виду рядовой, внешне обычный парень, он же одинокий и непонятый поэт, после смерти становится оцененным и признанным гением – именно этот сюжет организует и связует стихи Рыжего на протяжении всего творческого пути в единое содержательное целое, «подсвечивает» сюжеты о преждевременной гибели.

Двойственная суть лирического героя – одновременно простого, грубоватого завсегда свертловских окраин и в то же самое время тонко чувствующего, начитанного поэта – часто обуславливает и столкновение разных речевых стихий в пределах одного поэтического текста: в литературный язык с обилием поэтических цитат вторгается просторечие, жаргонизмы и обценная лексика: «Мне бы как-нибудь дошкандыбать / до посмертной серебряной ренты, / а ему, дармоеду, плевать / на аплодисменты» («Мой герой ускользает во тьму», с. 369). Столкновение книжной лексики, литературных аллюзий, цитат с просторечием, сниженной, обценной лексикой – излюбленный прием Б. Рыжего, позволяющий оставлять

ззор, дистанцию между тщательно создаваемым образом лирического героя и реальным автором. Кроме того, столь контрастный по своему составу лексикон прекрасно работает на создание образа поэта-хулигана и образа мифологизированного прошлого. Исходя из тех самых, сопутствующих моменту написания стихов жизненных реалий – молодости, малого количества написанного, пока еще безызвестности, неизданности, ироничные строки о том, как «приобретут всеевропейский лоск / слова трансзиатского поэта», и подобные им, звучали тогда в достаточной степени дерзко. Особенно если учесть, что молодой провинциальный поэт претендовал в своих стихах на мемориальные практики, полагавшиеся только непререкаемым классикам, чья репутация складывалась столетиями: «Описав бы всё это, с “Памиром” в пальцах на века / в черной бронзе застыть над Свердловском» (с. 417); «сквер будет назван именем моим» (с. 464); «Кроссовки и майка – / Короче, одет без затей, / Чтоб было не жалко / Отдать эти вещи в музей» (с. 484).

Получается, что в поэтическом мире Рыжего смерть необходима, она – та граница, за которой его как поэта ждет будущее. Недаром в его стихах *мотивы границ и перемещения / перехода* важны и частотны [Вытушняк, 2012; Непомнящих, 2016, с. 210–213]. Символически *перемещение* выражается как *переход* из этого мира в мир иной и вообще как переход любых границ – сознания собственной личности, временных, пространственных, бытийных, то есть попытка оказаться «за гранью». Одна из излюбленных пространственно-временных локализаций пограничья в стихах Рыжего – это ситуация «поэт у окна»: «Здесь состояние сознания лирического героя (как выразился однажды сам Рыжий, “на границе между сном и явью”) – смешанное с полудремой созерцание заката (а заря также содержит идею границы) – позволяет уловить музыку, которая не прорывается в повседневную жизнь, музыку, которая вызывает и сопровождает постижение истины и позволяет заглянуть за определенную черту бытия, земной жизни» [Арсенова, 2012, с. 4]. Т. А. Арсенова связывает эту ситуацию с «медитативным состоянием лирического субъекта», которое «вызвано созерцанием законных пейзажей» и «подчас сопровождается отстранением героя от самого себя». По ее мнению, «медитация, таким образом, в постижении некоего *наджизненного смысла* достигает своей цели» [Там же, с. 7]. Однако ситуация «поэт у окна» – лишь одна из вариаций ситуации пограничья в лирике Рыжего, просто она наиболее показательна. В иных вариантах ситуация пограничья, в которой находится лирический субъект, реализуется в том числе как «быть на грани», «скользить по краю», а также как переход воображаемой границы между мирами – внешним и внутренним, этим и тем (потусторонним).

Таким образом, факт умирания обретает важнейшее значение, мыслится не как конец бытия, а как трансформационный переход в иное качество. Отсюда столь частые рефлексии о нем, перебор вариантов возможной гибели, интерес к чужим смертям. Возможная смерть становится постепенно раскручиваемым поэтическим сюжетом: в стихах Рыжего представлено более тридцати вариантов собственной гибели, а с учетом размышлений о преждевременной смерти, сентенций «я умру» и синонимичных им выражений получится более сотни: «Я заболел и умру, а ты найдешь мою могилу» («Разрыв», с. 337); «Я не набит деньгами туго, / но, уронив платочек в грязь, / еще подаст моя подруга / с моей могилы возвратясь» («Я часто дохожу до храма», с. 421). Он умирает в прошлом, настоящем, будущем. Воображение рисует самые разнообразные варианты: лирический субъект оказывается смертельно раненым на Кавказе или в стычке с бандитами, Он может погибнуть, когда, возвращаясь от любимой, попадет под бомбежку. Он может быть арестован и расстрелян, может быть застрелен при

попытке бегства из тюрьмы, может погибнуть как солдат и т. д.¹² Есть даже вариант гибели летчика при столкновении с ангелом: «В невероятный черный день, / я буду сбит огромным ангелом, / и, полыхнув зеленым факелом, / я рухну в синюю сирень» («Я улыбнусь», с. 354)¹³. Есть и менее экзотичные: «Однажды я умру / на чужом продавленном диване, головой боля поутру» («Не жалею о прошлом, будь, что было...», с. 374); «Я умру в старом парке, на холодном ветру, / милый друг, я умру у разрушенной арки» («Золотые сапожки», с. 173).

Претворяя рефлексии о смерти в текст, поэт наделяет событие будущей смерти сверхсмыслом и сверхценностью: «Как в бумаге / безграмотный свой оставляет след, / хочу я крест оставить в этом мире» («Завещание», с. 50). Можно сказать, как ни кощунственно это прозвучит, что Рыжий в стихах сознательно работал на образ собственной смерти как значимого факта биографии поэта, ценою настоящей смерти его затем оплачивая. Когда, например, юная Цветаева писала: «Моим стихам, написанным так рано» и «Взгляни на меня, прохожий», – это не было обязательством уйти во имя оправдания этих строк, это ведь не более, чем именно литературные роль, игра и маска. У Рыжего не игра, не «литература», маска его – иной природы. Ироничные и шутливые, на первый взгляд, строки Рыжего о будущей смерти неизбежно должны были зазвучать после его реальной гибели с иной силой. Только так они обрели свой окончательный (вложенный им изначально) смысл. Если перефразировать строки другого известного поэта, после смерти меняются не только портреты¹⁴. Стихи Рыжего после его смерти обретают не просто новое звучание окончательной сбывшейся полноты, но здесь слова и поступок стали едины, неразделимы, вот почему в случае Рыжего иногда сложно бывает отделить лирического героя-поэта от человека-поэта. В одном из писем Олега Дозморова, адресованных Илье Фаликову и цитируемому Фаликовым в книге о Рыжем, сказано: «Я уверен, что всё сказано в стихах, все ключи и отмычки там, и самый продуктивный путь к пониманию его поэзии, жизни и смерти – через стихи» [Фаликов, 2015, с. 119].

Однако, к сожалению, наблюдения и анализ отдельных мотивов вариаций, взятых вне их связей и значений внутри всей совокупности мотивного комплекса воли к смерти, приводит порой к линейным аналогиям, например, с судьбою Лермонтова¹⁵. Тогда как танатологический комплекс в поэтическом мире Рыжего больше похож на древо или узор, каждый элемент которого является частью целой картины или единого сюжета о собственной судьбе и смерти. Не меньшее место, чем Лермонтов, среди цитат и упоминаний занимают А. Пушкин, Я. Полонский, А. Блок, Г. Иванов. В числе любимых стихотворений Рыжего, читаемых

¹² «Будто я от тебя под бомбежкой пойду – / снег с землею взлетят позади, / и, убитый, я в серую грязь упаду...» («Поздно, поздно! – вот по небу прожектора», с. 421); «Буду ласковым другом случайно заколот, надо мною расплатится он, протрезвев» («Я уеду в какой-нибудь северный город», с. 275).

¹³ Бард Сергей Никитин исполняет песню «Я улыбнусь, махну рукой» с другой версией текста, озвучивая посвящение И. Бродскому, тогда как в книге «В кварталах дальних и печальных» (М., 2014) посвящения нет и дан другой, более краткий вариант текста стихотворения с измененными местами строками. К сожалению, составители книги не комментируют разные варианты текста в этом случае. Текст песни С. Никитина на стихи Б. Рыжего полностью совпадает с текстом в авторском исполнении, существующим в виде аудиофайла (Plus-Music. URL: <http://plus-music.me/борис+рыжий> (дата обращения 03.03.2017)).

¹⁴ См. в связи со сказанным характерный газетный заголовок к отклику на смерть поэта: «По есенинскому следу. Стихи русского поэта странным образом хорошеют после его смерти» [Коляда, 2001].

¹⁵ Бельй А. А. О Лермонтове, но больше о Борисе Рыжем // Новый мир. 2017. № 1. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_1/Content/Publication6_6532/Default.aspx (дата обращения 20.03.2017).

вслух наизусть или упоминаемых среди книг и текстов, которые всегда под рукой, – «Завещание» Т. Шевченко [Казарин, 2009, с. 188–189]; «Попытка завещания» Я. Смелякова [Там же, с. 186]; «Отчаяние» А. Полежаева [Там же, с. 163]; «Утрата» Я. Полонского [Там же, с. 274]; «Утро», «Внимая ужасам войны» Н. Некрасова [Там же, с. 262–263]. Кроме того, «по словам О. Дозморова, большое влияние на Б. Рыжего оказали стихи К. К. Случевского, в которых доминировало поэтическое постижение смерти. А. Григорьев добровольно отдавался стихии гибели (и скорость гибели была потрясающе высокой), и Борис это хорошо понимал. <...> Концептуально (и музыкально, естественно) важным был для Бориса цикл К. Случевского “Загробные песни” (1902)» [Там же, с. 284–285]. Все перечисленные стихи посвящены смерти, либо событиям и чувствам с нею связанным.

Конструируемый авторский миф о себе как «прекрасном поэте», которым он непременно станет после смерти, словно огромная воронка, притягивает в любое его стихотворение танатологическую мотивику и смертную образность. В большей части стихотворений налицо лишь какая-то часть цельного сюжета, но он может быть реконструирован, восстановлен исходя из общей картины, проявляющейся в сумме текстов и в той системности, регулярности связей одних мотивов с другими, которая исключает их произвольное и случайное толкование. В него составляющей частью входит сквозной мотив стремления или, точнее, воли к смерти, проявляющийся в вариациях прописывания сценариев собственной смерти, «пути к смерти», попыток заглянуть «за грань», перехода границ, скольжения по краю, прощания с миром и живыми, поэтического завещания, памяти и памятника. Он верит, что его слово одолеет смерть, поскольку «чернила», которыми написаны стихи, «алые», и этот мотив также повторяется в разных стихотворениях: «...Пусть кровь из уст – / Вместо речи – / сердца зальет... / в конечном счете. / Так стих живет» (с. 145)¹⁶. Мотив воскрешения в поэзии Рыжего всегда связан с жизнью его текстов, с памятью о нем и признанием его как поэта, в другом качестве он «воскресать» не желает, слишком дорогой ценой – преждевременно оборванной жизнью – им оплачивается будущее бессмертие поэзии.

Список литературы

Арсенова Т. А. Борис Рыжий: образ поэта в читательской и литературно-критической рецепции // Литература Урала: История и современность: Сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург, 2008. С. 452–467.

Арсенова Т. А. Ситуация «поэт у окна» в лирике Бориса Рыжего // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: Национальное развитие и региональные особенности: Материалы X Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию А. И. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 окт. 2011 г.: В 3 т. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 3–10.

Верхейл К. «Я пришло тебе, сын, из Голландии Lego» (Эскиз мемуарно-исследовательской статьи) // Филологический класс. 2003. № 10. С. 83–86.

Витушняк А. Н. Языковые средства в формировании основных смысловых сфер в поэзии Бориса Рыжего // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: Национальное развитие и региональные особенности: Материалы X Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию А. И. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 окт. 2011 г.: В 3 т. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 32–42.

Глухова Ю. Ю. Образ города в поэзии Бориса Рыжего // Теоретический и практический взгляд. 2015. № 3. С. 29–32.

¹⁶ См. также «Завещание» (с. 50).

- Казарин Ю.* Поэт Борис Рыжий. Екатеринбург, 2009. 310 с.
- Капинос Е. В.* Тезаурус смерти в творчестве И. А. Бунина // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2012. С. 115–146.
- Ковтун Н. В.* «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск, 2009. 494 с.
- Коляда Н. В.* По есенинскому следу // Независимая газета. 2001. № 10(69), 18 мая.
- Красильников Р. Л.* Образ смерти в литературном произведении: Модели и уровни анализа. Вологда, 2007. 466 с.
- Лотман Ю. М.* Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 417–432.
- Непомнящих Н. А.* Танатологические мотивы лирики Бориса Рыжего // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 207–223.
- Партэ К.* Русская деревенская проза: Светлое прошлое: Пер. с англ. Томск, 2004. 203 с.
- Проскурина Е. Н.* Танатологический сюжетно-мотивный комплекс в романной прозе Г. Газданова // Критика и семиотика. 2013. № 2. С. 197–219.
- Рыжий Б.* В кварталах дальних и печальных. М., 2014. 576 с.
- Семина А. А.* Голос из небытия: «Посмертный дневник» Г. Иванова и Б. Рыжего // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2016. № 12. С. 88–96.
- Струкова М.* «Не надо даже счастья...» О поэзии Бориса Рыжего // Русское поле: Содружество литературных проектов. 2012. Вып. 12. URL: <http://parus.ruspole.info/node/1852> (дата обращения 20.04.2017).
- Фаликов И.* Борис Рыжий. Дивий камень. М., 2015.
- Харт Ниббриг К. Л.* Эстетика смерти. СПб., 2005. 424 с.
- Шалай М.* Поэзия Бориса Рыжего: избирательное сродство // Урал. 2004. № 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/5/shar23.html> (дата обращения 20.04.2017).

N. A. Nepomniashchikh

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; alkat@ngs.ru*

Will to die: the mortal theme in Boris Ryzhy's poetry

Death-related images are typical for the descriptions of any losses whether it is a loss of a person or values, cultures, traditions, languages, homelands. The loss of the homeland in the works of the first wave of the Russian emigration is a demonstrative example of such description. In the second half of the 20th century, the death-related images and themes, as well as thanatological plots and motifs, are common in the «village prose». An author or a whole literary movement can have a unique set of the thanatological motifs and images (thesaurus of death). Even some «national» literatures, which are typologically alike, have such «thanatological set». Domination of the thanatological motifs and plots in a separate literature, a literary movement, or the works of a writer is due to «unliterary» reasons, to the events and facts which do not belong to the literature. Usually, the writers, in whose works the thanatological complex is a dominating one, comprehend the reality as «deep crisis», feel that their time «is out of joint», that relations between generations are ruined, traditions are lost. Such views are characteristic of both emigrant and «traditional» writers. Boris Ryzhy is no exception to this rule. His youth was at the time of the fall of the Soviet Union. He considered the changes as a destruction of the age; the present was shown as a crisis, a deadlock in his poetry.

The main and repeating motifs of Boris Ryzhy's poetry are thanatological ones. They are the aspiration for the death shown as a way to it, reflections on the death and waiting for its arrival, imaginary funerals and funeral attributes (coffins, graves, cemeteries, funeral orchestras and music), imaginary meetings with the dead, addressing the dead as though they were alive. There are also the motifs of loneliness and pain in the frightening world that one can leave only by escaping

into the death, into the other world. Only after the death, it is possible to become a «great poet» to be honored with a memorial in a homeland. The idea that it is impossible to be recognized as a poet during life results in the motifs of «last will and testament», overcoming the death by poems, the immortality of the poetry despite the mortality of a poet. Thanatological motifs and the plot of speeding up towards the death are constantly repeated throughout Boris Ryzhy's poetry. Even motifs, which are not usually related to the motif of death, such as light of a street lamp or a star, the motif of void, and some others, become the death-related motifs in his poems. The plot about «the poet born from death» becomes the metaplot of all his writings. It explains his irrepressible aspiration for death, persistent attempts to peep beyond the brink, to cross the border, the intonation of poetic «last will and testament» characteristic of many of his poems. The aspiration for death is realized through the universal mythological motifs of the way (usually any way, despite its announced destination, turns out to be leading to death), «crossing the border», and removal.

Keywords: Boris Ryzhy, thanatological motifs, motif of aspiration for death.

DOI 10.17223/18137083/59/8

References

- Arsenova T. A. Boris Ryzhiy: obraz poeta v chitateľ'skoy i literaturno-kriticheskoj retseptsii [The image of the poet in the reader and literary-critical reception]. In: *Literatura Urala: Istorija i sovremennost'*: Sb. st. Vyp. 4: Lokal'nye teksty i tipy regional'nykh narrativov [Literature of the Urals: history and modernity: Coll. of art.: Iss. 4: Local texts and types of regional narratives]. Ekaterinburg, 2008, pp. 452–467.
- Arsenova T. A. Situatsiya “poet u okna” v lirike Borisa Ryzhego [The situation “The poet at the window” in Boris Ryzhy's poetry]. In: *Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: Natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti: Materialy X Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 100-letiyu A. I. Dergacheva*, Ekaterinburg, 6–7 okt. 2011 g.: V 3 t. [Dergachev readings – 2011. Russian literature: the development of national and regional features. Materials of 10th Intern. sci. conf. dedicated to the 100th anniversary of A. I. Dergachev, Ekaterinburg, 6–7 Oct. 2011: in 3 vols. Vol. 3]. Ekaterinburg, 2012, pp. 3–10.
- Glukhova Yu. Yu. Obraz goroda v poezii Borisa Ryzhego [The image of the city in Boris Ryzhy's poetry]. *Teoreticheskij i prakticheskij vzglyad* [Theoretical and practical view]. 2015, no. 3, pp. 29–32.
- Falikov I. *Boris Ryzhiy. Diviy kamen'* [Boris Ryzhiy. A wild stone]. Moscow, 2015.
- Kazarin Yu. *Poet Boris Ryzhiy* [The poet Boris Ryzhy]. Ekaterinburg, 2009, 310 p.
- Kapinos E. V. Tezaurus smerti v tvorchestve I. A. Bunina [Thesaurus of death in the works of I. A. Bunin]. In: *Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoj literatury* [Plot motivic complexes of Russian literature]. Novosibirsk, 2012, pp. 115–146.
- Khart Nibbrig K. L. *Estetika smerti* [Aesthetics of Death]. St. Petersburg, 2005, 424 p.
- Kovtun N. V. “Derevenskaya proza” v zerkale utopii [“Village prose” in the mirror of utopia]. Novosibirsk, 2009, 494 p.
- Kolyada N. V. Po eseninskomu sledu [Following Yesenin]. *Nezavisimaya gazeta*. 2001, no. 10(69), 18 May.
- Krasil'nikov R. L. *Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: Modeli i urovni analiza* [The image of death in a literary work: models and levels of analysis]. Vologda, 2000, 466 p.
- Lotman Yu. M. Smert' kak problema syuzheta [Death as a problem of the plot]. In: *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Lotman and Tatusko-Moscow school of semiotics]. Moscow, 1994, pp. 417–432.
- Nepomnyashchikh N. A. Tanatologicheskie motivy liriki Borisa Ryzhego [Thanatological motifs in Ryzhy's works]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2016, no. 2, pp. 207–223.
- Parte K. *Russkaya derevenskaya proza: Svetloe proshloe*. Per. s angl. [Russian village prose: Bright past: Transl. from English]. Tomsk, 2004, 203 p.
- Proskurina E. N. Tanatologicheskij syuzhetno-motivnyj kompleks v romannoj proze G. Gazdanova [Thanatological plot-motif complex in novels by G. Gazdanov]. *Critique and semiotics*. 2013, no. 2, pp. 197–219.
- Ryzhiy B. *V kvartalakh dal'nikh i pechal'nykh* [In quarters faraway and dismal]. Moscow, 2014, 576 p.

Shalay M. Poeziya Borisa Ryzhego: izbiratel'noe srodstvo [Poetry of Boris the Red: selective affinity]. *Ural*. 2004, no. 5. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2004/5/shar23.html> (accessed 20.04.2017).

Semina A. A. Golos iz nebytiya: "Posmertnyy dnevnik" G. Ivanova i B. Ryzhego [Voice from Non-Existence: "Posthumous Diary" of Georgy Ivanov and Boris Ryzhy]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, no. 12, pp. 88–96.

Strukova M. "Ne nado dazhe schast'ya..." O poezii Borisa Ryzhego ["We should not even be happy..." About the poetry of Boris Ryzhiy] In: *Russkoe pole: Sodruzhestvo literaturnykh proektov*. 2012. Vyp. 12. URL: <http://parus.ruspole.info/node/1852> (accessed 20.04.2017).

Verkheyl K. "Ya prishlyu tebe, syn, iz Gollandii Lego" (Eskiz memuarно-issle-dovatel'skoy stat'i) ["I'll send you, son, Lego from Holland" (Sketch memoirs, research articles)]. *The philological class*. 2003, no. 10, pp. 83–86.

Vytushnyak A. N. Yazykovye sredstva v formirovaniy osnovnykh smyslovykh sfer v poezii Borisa Ryzhego [Language tools in the development of key semantic fields in Boris Ryzhy's poetry]. In: *Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: Natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti: Materialy X Mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 100-letiyu A. I. Dergacheva*, Ekaterinburg, 6–7 okt. 2011 g.: V 3 t. [Dergachev readings – 2011. Russian literature: the development of national and regional features. Materials of 10th Intern. sci. conf. dedicated to the 100th anniversary of A. I. Dergachev, Ekaterinburg, 6–7 October 2011: in 3 vols. Vol. 3]. Ekaterinburg, 2012, pp. 32–42.